

Вина Владимир

Самое дно

18+

Война Владимир

Самое дно

<https://litres.ru/74141067>

SelfPub; 2026

Аннотация

Ей пятьдесят пять. Она моет полы в «Пятёрочке» и живёт в общежитии с молодым любовником, который не работает, пьёт и бьёт её. Он красив, она одинока. Он — её проклятие, она — его кормушка. Это история о том, как выглядит дно в наши дни. И о том, что бывает, когда надежда умирает последней — уже после человека

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Самое дно

Глава

«Спросили мудреца: „Где находится дно?“

Он ответил: «Там, где ты перестал верить, что можно всплыть».

— А что ниже дна?

— Ниже дна — только смирение с тем, что ты там навсегда.

Но знай: даже на дне колодца видно небо. Только смотрят вверх не все».

Глава 1. Утро Метелки

Будильник заорал в пять сорок пять.

Он не звенел — он хрипел, как прокуренный старик, у которого в лёгких уже не воздух, а кисель. Советский будильник с пожелтевшим циферблатом и красной секундной стрелкой, которая дёргалась, будто её било током. Елена ненавидела этот звук каждой клеткой своего измученного тела, но уважала — потому что, кроме этого будильника, ей давно никто не подчинялся.

Она села на кровати, спустила ноги на пол и тут же отёрнула их — линолеум был ледяной, как покойницкая. В углу что-то зашуршало. Мышь или таракан — она уже не разбирала. И те, и другие были полноправными жильцами комна-

ты номер тринадцать.

За окном даже не рассвело — просто чернота стала чуть серой, как грязная вода после стирки. Ноябрь. Вечный, бесконечный ноябрь в этой дыре.

Она включила свет. Лампочка под потолком замигала, как в дешёвом хорроре, и зажглась — тусклая, сорок ватт, голая, без плафона. Плафон Дэн разбил в прошлом месяце, запустив в него её же телефоном. Телефон, кстати, так и не починили.

Елена встала. Тело отозвалось болью в десятке мест одновременно. Левое плечо ныло — вчера он схватил её за руку и вывернул, когда она попыталась спрятать кошелёк. Рёбра с правой стороны саднило — кажется, трещина, но кто ж её повезёт в травмпункт? Кому она там нужна? Там такие же, как она, только бомжи и алкаши, и врач смотрит сквозь тебя, как через грязное стекло.

На губе запеклась кровь. Она потрогала языком — солёное, железное. Вкус детства. Вкус её жизни.

Вчера была получка. Вчера Дэн устроил «праздник».

Елена доковыляла до зеркала — мутного, в трещинах, приклеенного скотчем к стене. Из зеркала глянула женщина, которой никто и никогда не дал бы её лет. Не потому что молодая — господи, какая там молодость, — а потому что её возраст уже невозможно было определить. Ей можно было дать и сорок, и семьдесят. Лицо — как печёное яблоко: сморщенное, в пигментных пятнах, с одутловатостью там,

где вчера прошёлся кулак. Под левым глазом цвёл синяк — ещё жёлто-зелёный, старый, а рядом уже наливался новый, свежий, багрово-синий.

Волосы — крашенные в дешёвый рыжий, «баклажан», как называла Валентина, — отросли у корней на два пальца седины. Они висели сосульками, сальными, давно не мытыми. Горячую воду отключили ещё в сентябре за долги, а мыть голову под ледяной Елена боялась — сердце.

Она улыбнулась отражению. Зубов не хватало двух — справа, на виду. Один выбил Дэн полгода назад, другой выпал сам, раскрошился от сладости и дешёвой водки.

— Ленка-Метелка, — сказала она вслух хриплым, ещё не проснувшимся голосом. — Вот ты кто. Метелка и есть. Швабра с глазами.

За спиной, на диване, заворочался Он.

Дэн спал поперёк продавленного дивана, скинув одеяло на пол. Одеяло было в каких-то пятнах, старых и новых — Елена уже и не помнила, когда стирала его в последний раз. Он лежал на спине, голый по пояс, в одних спортивных штанах с оттянутыми коленями. Грудь вздымалась ровно, на плече чернела татуировка — какая-то змея или дракон, она точно не знала, да и сам Дэн, наверное, уже не помнил, что набивал по пьяни три года назад.

Молодое, сильное тело. Красивое, зараза, даже сейчас, во сне — с этими острыми скулами, с ямочкой на подбородке, с длинными ресницами, которым позавидовала бы любая де-

вушка. Ему бы в институте учиться, с девушкой нормальной гулять по набережной, фоткаться для инстаграма, а он тут — с ней, с Ленкой-Метелкой, в этой крысиной норе на пятом этаже общаги.

— Господи, — прошептала Елена, глядя на него, и в этом шёпоте было всё: и любовь, и ужас, и жалость, и что-то тёмное, в чём она сама боялась себе признаваться. — Ему бы жить да жить, а он...

Она не договорила. Потому что вторая половина фразы — «а он со мной» — была слишком горькой.

В дверь забарабанили.

— Ленка! Ты живая там? — голос вахтерши Галины, толстой, вечно потной бабы, которая всех в общаге ненавидела, но исправно следила за порядком. — На работу опоздаешь! Шестой час!

— Иду! — крикнула Елена и тут же сморщилась от боли в рёбрах.

Она натянула форменную жилетку «Пятёрочки». Красную, с дурацким логотипом — два скрещенных листочка, символ свежести и качества. Свежесть. Качество. Ха. Жилетка была застирана до дыр, на спине расплывалось жёлтое пятно — не то от хлорки, не то от чего похуже, — но другой не было. В этой она ходила уже третий год, и завхоз магазина, злобная Людмила Борисовна, каждый раз шипела: «Позорище, а не форма. Купи новую, вычту из зарплаты». Но не вычитала — знала, что вычитать-то и нечего.

Елена глянула на Дэна. Тот перевернулся на бок, что-то пробормотал во сне, почмокал губами — и вдруг улыбнулся. Во сне. Улыбка была детской, беззащитной, и у Елены внутри всё перевернулось.

«Вот за эту улыбку, — подумала она, — я ему всё прощаю. Абсолютно всё. И синяки, и рёбра, и зубы. Потому что когда он так улыбается, он — мой. Только мой. И никто его у меня не отнимет».

Она наклонилась, поправила на нём одеяло, поцеловала в макушку. От него пахло перегаром, потом и чем-то ещё — тем особым запахом молодого здорового мужика, от которого у неё до сих пор слабели колени.

— Спи, Данечка. Спи, мой хороший.

Дверь снова забарабанили.

— Ленка, оглохла?!

Она выпрямилась, схватила с тумбочки потрёпанную сумку — там лежали кошелёк, проездной и смятая пачка сигарет «Корона», самых дешёвых, — и вышла в коридор.

Коридор встретил её привычным запахом. Жареный лук, моча из туалета в конце коридора, кислятина из-под двери комнаты номер восемнадцать, где жил слесарь-алкоголик дядя Коля. К этому запаху добавлялся ещё один — запах безнадёги. Его невозможно описать словами, но каждый, кто хоть раз бывал в таких местах, знает: безнадёга пахнет сыростью, старой одеждой и почему-то сладковатым, как лекарство.

По коридору, шлёпая рваными тапками, брела соседка с

третьего этажа, вечно беременная Наташка. У неё было четверо детей от трёх разных мужиков, и сейчас она ждала пятого.

— Ой, Лен, привет, — сказала она, зевая. — Чего с лицом-то?

— Упала.

— Ага. Я тоже вечно падаю. Прямо на кулаки.

И они обе усмехнулись — той особой, понимающей усмешкой, которая бывает только у битых баб. В ней нет ни осуждения, ни удивления — только усталость.

— Ты это, Лен, — Наташка понизила голос, — сходила бы к бабе Рае. Она тебе мазь какую-то даст, говорит, от синяков хорошо. И поговорит. Она бабка мудрая.

— Схожу. Вечером. Если живая буду.

И они разошлись — каждая в свой ад.

На первом этаже, в каморке под лестницей, сидела вахтерша Галина. Она пила чай из огромной кружки с надписью «Москва» и смотрела на крошечный телевизор, где шло утреннее шоу — весёлые ведущие в ярких костюмах обсуждали какую-то ерунду, смеялись, хлопали в ладоши.

— О, Метелка, — сказала Галина, не отрываясь от экрана.

— Опаздываешь. Вычтут.

— Не вычтут. Я в прошлый раз за них сверхурочно мыла.

— Ну-ну. А с лицом чего? Опять?

— Упала. В душе. Скользко.

— Знаю я ваш душ. Там скользко только тогда, когда твой

Дэн напьётся.

Галина хлебнула чаю, пожевала губами. Она была старая, одинокая, муж давно спился и умер, дети разъехались кто куда. В общаге она работала тридцать лет и видела всё: драки, убийства, самоубийства, роды в туалете, смерти от передозировки. Её уже ничем нельзя было удивить.

— Слышь, Лен. Ты б его выгнала, а? Или заявила. У меня знакомый в участке есть, могу позвонить.

— Не надо, Галь. Он без меня пропадёт.

— А с тобой ты пропадёшь. Ты это понимаешь или нет? Ты ж уже на ладан дышишь. Ты видела себя в зеркало?

— Видела. Не сегодня.

Галина долго смотрела на неё — без злости, без жалости, просто с тем спокойным отчаянием, которое бывает у людей, знающих, что мир не исправить.

— Ладно. Беги. Может, и правда упадёшь где-нибудь, только не в душе. На ровном месте.

Елена вышла на улицу.

Ноябрь ударил в лицо мокрым ветром. Темнота ещё не рассеялась, фонари горели через один, и те тусклые, жёлтые, умирающие. Под ногами хлюпала грязь вперемешку с собачьим дерьмом и окурками. У подъезда, на лавочке, уже сидели местные алкаши — дядя Коля и его друг Санёк, которого все звали Шнырь. Они грели на газетке бутылку пива и о чём-то спорили хриплыми голосами.

— Метелка, сто грамм не найдётся? — крикнул Шнырь.

— С утра? С ума сошли.

— А мы ещё и не ложились! — заржал дядя Коля, и его смех перешёл в кашель — долгий, мокрый, страшный.

Елена ускорила шаг.

До метро было пятнадцать минут пешком через Пьяный Угол — так называли их район. Пять девятиэтажек, ржавые гаражи, заколоченный химкомбинат, где когда-то работал её покойный муж, и стихийная свалка за гаражами, куда по ночам приезжали грузовики и скидывали какой-то мусор. Здесь всё было серым, облезлым, усталым. Даже деревья росли криво, как будто с рождения знали, что им не повезло.

У метро уже толпились такие же ранние пташки — тётки в пуховиках, мужики с инструментами, девчонки-продавщицы. Все сонные, злые, замёрзшие.

Елена зашла в вагон, села на свободное место и закрыла глаза. Колеса стучали — тудух-тудух, тудух-тудух, — и этот стук напоминал ей другую жизнь. Тогда, двадцать лет назад, когда она ещё не была Метелкой, а была просто Леной, молодой женщиной с надеждами. Тогда она тоже ездила в метро, но нарядная, с причёской, на свидание или в гости. Тогда муж был ещё трезвый, сын — ещё маленький, и всё было впереди.

Куда всё делось?

Она открыла глаза. Напротив сидела девушка — молодая, красивая, в дорогой куртке, с айфоном. Она что-то быстро печатала, улыбалась экрану, и её жизнь была где-то там —

в другой галактике, где не было общежитий, самогона и кулаков по ночам.

Девушка подняла глаза, встретилась взглядом с Еленой — и тут же отвела. В этом движении было всё: лёгкое отвращение, страх, нежелание видеть. Елена привыкла. Она сама когда-то отводила глаза от таких, как она сама сейчас. Потому что смотреть на них — значит признавать, что и с тобой такое может случиться. А кому хочется?

Она вышла на своей станции, поднялась по эскалатору. В стеклянных дверях «Пятёрочки» уже горел свет. Смена начиналась.

Елена толкнула дверь, и колокольчик звякнул — дзинь-дзинь, — приветствуя очередную жертву.

— Метелка! — заорала из-за кассы Людка, толстая девица с наклеенными ресницами. — Ты чего опаздываешь? У нас тут аврал! В третьем ряду кто-то бутылку кефира разбил, всё воняет!

— Иду.

Она взяла ведро, налила воды, добавила хлорки — побольше, чтобы перебить запах, — взяла швабру и пошла в торговый зал. Пол был грязный, в каких-то разводах, следах от обуви. Кефир действительно вонял — кисло, противно, — и растекался белой лужей у стеллажа с молочкой.

Елена опустилась на колени и начала тереть.

Это был единственный момент в её дне, когда она чувствовала что-то похожее на покой. Пол не спорил. Пол не

кричал на неё. Пол не бил. Пол просто был грязным, и его нужно было сделать чистым. Всё просто. Всё честно.

— Эй, Метелка! — снова заорала Людка. — Там в подсобке ещё коробки стоят, разбери!

— Сейчас.

Она разогнулась, и в спине что-то хрустнуло. Перед глазами поплыли круги. Сердце забилося часто-часто, как пойманная птица. Елена прислонилась к стеллажу, пережидая. Давление, наверное. Или сердце. Или просто жизнь, которая из неё уходила по капле, пока она стояла на коленях перед кефирной лужей.

— Чего встала? — рывкнула проходящая мимо завхоз Людмила Борисовна, сухая, как палка, женщина с крысиным лицом. — Шевелись давай! Мне не нужны уборщицы, которые стоят как памятник.

— Я не памятник, — тихо сказала Елена. — Я человек.

— Человек... — фыркнула завхоз. — Иди работай, «человек».

И Елена пошла.

В подсобке громоздились коробки — тяжёлые, с консервами. Она таскала их, надрывая и без того больную спину, а перед глазами стояло лицо Дэна — спящее, беззащитное, с этой ямочкой на подбородке.

«Ничего, — думала она, поднимая очередную коробку. — Ничего. Вечером приду домой. Он проснётся трезвый. Может, даже улыбнётся. Может, скажет что-нибудь ласковое. И

ради этого одного момента я готова прожить ещё один такой день. И ещё один. И ещё».

В кармане жилетки завибрировал телефон — старый кнопочный «Самсунг», треснутый по диагонали. Она достала его. Сообщение от Дэна.

«Лен, купи пожрать. И пива. У меня башка трещит».

Она перечитала дважды. Ни «доброе утро», ни «как ты», ни «прости за вчера». Просто «купи пожрать».

И всё равно внутри что-то дрогнуло. Он написал ей. Он в ней нуждался. Пусть только в этом — в еде и пиве, — но нуждался.

— Конечно, Данечка, — прошептала она в пустоту подсобки. — Конечно, куплю. Всё куплю.

Она спрятала телефон и пошла мыть полы. Смена только начиналась.

Так прошёл обычный день Елены Викторовны, которую все звали Метелкой. День, в котором было всё: унижение, боль, грязь, холод и одна-единственная мысль, ради которой она ещё дышала — мысль о том, что вечером она вернётся домой и увидит ЕГО. А что будет потом — крики, побои, слёзы, — об этом она старалась не думать. Потому что если начать думать, можно сойти с ума. А сходить с ума ей было нельзя. Кто тогда купит ему пива?

Глава 2. Пятёрочка

«Пятёрочка» на углу улицы Строителей и Безымянного тупика открылась ровно в восемь. Это был типовой магазин

— стеклянные двери, яркие ценники, постеры со счастливыми семьями, которые почему-то всегда покупают йогурты и свежую зелень, а не водку и дешёвую тушёнку. На постерах всё было красиво: румяные дети, улыбочивые мамыши, корзинки, полные полезных продуктов. Настоящие покупатели выглядели иначе — серые, уставшие, с мятыми купюрами в потных ладонях.

Елена зашла через служебный вход за десять минут до открытия. Здесь пахло так же, как и везде в её жизни — хлоркой, картоном, просрочкой, которую не успели списать. Где-то гудела холодильная камера, и этот гул был похож на звук приближающегося поезда.

В подсобке уже сидела Валентина. Она работала в другой «Пятёрочке», через два квартала, но иногда подменяла местных, когда не хватало рук. Сегодня как раз был такой день.

— Лен, — сказала Валентина, едва увидев подругу.

И замолчала. Просто замолчала, потому что слова были не нужны. Она смотрела на лицо Елены — на свежий синяк, на разбитую губу, на красные прожилки в глазах от недосыпа и, возможно, от слёз, — и всё понимала.

— Опять, — не спросила, а констатировала Валентина.

— Угу.

— Сильно?

— Терпимо.

— Терпимо... — Валентина горько усмехнулась. — У тебя уже шкала терпимости сломалась, Лен. Ты вообще пони-

маешь, что нормальные люди с такими синяками в травм-пункт едут, а не на смену?

Елена молча переодевала обувь. Сняла уличные сапоги — старые, протёкшие в прошлом году, но других не было, — надела сменные кроссовки, найденные когда-то в коробке с гуманитарной помощью. Кроссовки были на два размера больше, приходилось подкладывать газету в носки.

— Нормальные люди... — повторила Елена, не глядя на подругу. — А я, Валюш, давно не нормальная. Я — Метелка. Мне положено.

В подсобку заглянула завхоз Людмила Борисовна.

— Чего расселись?! Зал ещё не готов! Метелка, третий ряд — опять лужа какая-то. Вчерашние алкаши бутылку разбили. И не забудь про туалет — там опять кто-то мимо унитаза сходил.

— Я только пришла, — тихо сказала Елена.

— Вот и начинай! А ты, Валентина, чего уши развесила? У тебя своя работа есть!

Людмила Борисовна исчезла так же внезапно, как появилась. Валентина посмотрела ей вслед и сплюнула на пол.

— Крыса. Самая натуральная крыса. Знаешь, почему она к тебе цепляется?

— Почему?

— Потому что ты не отвечаешь. Ты терпишь. А таких, как ты, клюют все, кому не лень. Это закон природы, Лен. Закон стаи. Если овца не брыкается, её загрызут до смерти. Не вол-

ки даже — шакалы какие-нибудь, вроде этой Борисовны.

Елена взяла ведро, налила воды, плеснула хлорки. Запах ударил в нос, защищал глаза, но она привыкла. Хлорка была её духами.

— Я пойду. Третий ряд, говоришь?

И она пошла.

Торговый зал встретил её тишиной и полумраком. Основное освещение ещё не включили, горели только дежурные лампы. Кассы молчали, как спящие звери. Стеллажи темнели ровными рядами, и в этом было что-то почти торжественное — как в храме. Храм потребления. Храм еды, которую Елена не могла себе позволить.

Третий ряд — молочка. Она подошла и действительно увидела лужу. Что-то белое, уже начавшее подсыхать по краям. Не то кефир, не то молоко. Рядом валялись осколки — кто-то уронил бутылку и просто ушёл, даже не сказав персоналу.

«Вот так и я, — подумала Елена, опускаясь на колени. — Уронили, разбили, ушли. А кто убирать будет? Метелка».

Она начала тереть. Швабра ходила туда-сюда, размазывая белую жижу по серому кафелю. Движения были механическими, заученными до автоматизма. Руки работали, а голова была далеко.

Дэн. Что он сейчас делает? Спит, наверное. Может, проснулся и ищет, чего бы выпить. В холодильнике пусто — вчера всё выгребли. На тумбочке должна быть мелочь, руб-

лей тридцать, на пиво не хватит. Будет злиться. Будет ждать её.

А может, опять устроит «праздник». Может, найдёт у кого-нибудь в долг, напьётся и встретит её с кулаками. Или наоборот — встретит трезвый, виноватый, будет просить прощения и обещать, что это в последний раз.

Она не знала, что хуже. Побои были страшны, но привычны. А вот эти моменты раскаяния, эти пьяные слёзы, эти клятвы «начать новую жизнь» — они разбивали сердце сильнее кулаков. Потому что она верила. Каждый раз верила. И каждый раз оказывалась душой.

— Метелка, ты чего там застыла?! — донеслось от касс.

Людка. Та самая, с наклеенными ресницами. Молодая, наглая, убеждённая, что работа кассирши делает её на голову выше уборщицы.

— Я не застыла. Я мою.

— Мой быстрее. Сейчас открываться, а у тебя конь не валялся.

Людка была из тех, кто самоутверждается за счёт слабых. Дома её, говорят, муж поколачивал, но на людях она держалась королевой. Своё унижение она компенсировала унижением других — это называлось «пищевая цепочка». Елену это не злило. Она понимала: Людке тоже несладко. Просто у неё синяки не на лице, а где-то глубже.

— Люд, — сказала Елена, подходя к кассам. — У тебя обезболивающего нет? Голова раскалывается.

— А рецепт у тебя есть? — хихикнула Людка, но таблетку достала. — Держи. Бесплатно. Считаю, благотворительность.

Елена проглотила таблетку, запила водой из-под крана. Вода была с привкусом ржавчины — старые трубы, — но она привыкла.

Первый покупатель вошёл ровно в восемь. Это был мужик в грязной спецовке, с похмелья, с трясущимися руками. Он взял бутылку пива, пачку сигарет и ушёл, даже не заметив Елену, которая тёрла пол у входа.

Потом пошли другие — женщины с сумками, пенсионеры с тележками, молодые мамы с колясками. Все они скользили взглядами по уборщице, не замечая её. Она была частью интерьера, как стеллажи, как кассы, как гул холодильников. Её можно было не видеть.

И это было, пожалуй, самое страшное.

Не синяки. Не боль в рёбрах. Не унижительные крики завхоза. А это тотальное, всеобщее невидение. Ты есть, но тебя нет. Ты существуешь, но ты никто.

В перерыве она вышла на задний двор — покурить. Там, у мусорных баков, уже стояла Валентина.

— Держи, — сказала Валентина, протягивая ей бутылку кефира и булочку. — Купила тебе. Поешь нормально, а то на тебе лица нет.

— Спасибо. Я потом отдам.

— Отдаст она... Ешь давай.

Елена откусила булочку. Она была мягкая, сладкая, с по-

видлом. Такие она любила в детстве, когда мама водила её в булочную на углу. Тогда всё было иначе — мама живая, папа трезвый, мир понятный и предсказуемый.

— Валюш, — сказала она вдруг. — А ты когда-нибудь думала, почему всё так вышло? Ну, не у меня — вообще. Почему одни люди живут как в раю, а другие вот так... как я?

— Думала, — кивнула Валентина. — По-разному думала. Иногда кажется — судьба. Иногда — сами виноваты. А иногда — просто случайность. Родился не в той семье, не в том городе, не в то время. И всё. Ты уже проиграла, даже не начав.

— Это нечестно.

— А кто тебе сказал, что жизнь честная? Жизнь — она вообще не про честность. Она про выживание. Кто сильнее, тот и прав. А сила, Лен, она разная бывает. У кого-то деньги, у кого-то связи, у кого-то просто умение идти по головам. А у тебя... у тебя сердце. Большое, доброе, глупое. Вот ты и страдаешь.

Елена докурила, бросила окурков в урну.

— Я не могу иначе, Валюш. Я пробовала — злиться, ненавидеть, посылать всех. Не получается. Мне проще простить.

— Простить?! — Валентина даже поперхнулась. — Ты прощаешь человека, который тебя калечит?!

— Он не всегда такой. Ты не знаешь его трезвого. Он трезвый — совсем другой. Он мне стихи читал. Представляешь? Стихи. Собственного сочинения. Про любовь.

Валентина долго смотрела на неё. В этом взгляде было всё — и жалость, и злость, и что-то похожее на восхищение.

— Ленка, ты святая дура. Честное слово. Святая. Таким, как ты, надо памятники ставить.

— Лучше деньгами, — усмехнулась Елена. — Памятники я сама мыть не хочу.

Они рассмеялись — тихо, горько, но искренне. И этот смех был глотком свежего воздуха в бесконечном ноябре их жизни.

Смена закончилась в шесть. Елена переделалась, получила свою мизерную зарплату в конверте — наличкой, чтобы не платить налоги, — и вышла на улицу. Темнело. В такую рань, в ноябре, темнело уже к четырём, а к шести было черно, как в могиле.

Она пошла к метро. У входа, как всегда, стояли попрошайки. Молодая женщина с ребёнком на руках, старик с гармошкой, инвалид на коляске. Все они просили милостыню, и Елена, проходя мимо, вдруг подумала: «А ведь я — одна из них. Только я прошу не деньги. Я прошу любви. И мне подадут. Иногда».

В кармане завибрировал телефон. Снова Дэн.

«Ты где? Долго ещё? Я жрать хочу».

Она вздохнула. Ответила: «Еду. Куплю всё. Жди».

И пошла в магазин — но уже не в «Пятёрочку», а в другой, чтобы не видеть своих же коллег. Купила макароны, тушёнку, хлеб, пачку дешёвого чая и, поколебавшись, бутылку

водки. Самой дешёвой. «Пусть уж лучше водка, чем самогон от бабы Раи», — подумала она. От самогона у него совсем сносило крышу.

На кассе она пересчитала оставшиеся деньги. На проезд хватало, на сигареты — впритык. О том, чтобы отложить хоть рубль на чёрный день, не было и речи. Чёрный день наступил давно и стал перманентным.

В метро было душно и людно. Елена прижалась к стене вагона, сжимая сумку с продуктами. На неё косились. Женщина с синяком под глазом — это всегда привлекает внимание. Кто-то смотрел с жалостью, кто-то с брезгливостью, кто-то с жадным любопытством: «Надо же, как её разукрасили. Интересно, за что?»

Она закрыла глаза.

— Ничего, — прошептала она. — Ничего. Сейчас приеду. Он меня встретит. Может, даже обнимет.

И от одной этой мысли становилось теплее.

Общага встретила её знакомым запахом. На первом этаже, как всегда, горел свет в каморке Галины. Вахтерша махнула рукой — мол, проходи, сегодня без новостей.

По лестнице она поднималась медленно — сказывалась боль в боку и общая усталость. На площадке третьего этажа кто-то курил, в темноте светился красный огонёк сигареты.

— Привет, Метелка.

Это был Лёха Кривой. Сидел на подоконнике, как король на троне. В руке — банка пива, на лице — та особая расслаб-

ленность, которая бывает у людей, уверенных в своей власти.

— Привет, Лёш.

— Домой?

— Домой.

— Ну-ну. Там твой ждёт. С самого утра мается. Приходил, просил займы. Я не дал.

Елена напряглась. Если Дэн пошёл к Лёхе — значит, совсем прижало. Значит, он уже без неё попытался найти выпивку и, не найдя, теперь будет зол вдвойне.

— Спасибо, что не дал.

— Я не для него. Для тебя. Ты, Лен, хорошая баба. Жалко на тебя смотреть.

— Все меня жалеют, — горько усмехнулась она. — Только толку от жалости...

Лёха ничего не ответил. Просто отхлебнул пива и отвернулся к окну, где за грязным стеклом чернела бесконечная ноябрьская ночь.

Она поднялась на пятый этаж. Дверь в комнату номер тринадцать была приоткрыта. Изнутри доносилась музыка — Дэн включил старый магнитофон, который они хранили с незапамятных времён. Играла какая-то блатная песня — про волю, про неволю, про маму, которая ждёт.

Елена остановилась на пороге. Сердце колотилось где-то в горле. Она не знала, что её ждёт — объятия или кулаки. И это незнание было хуже всего.

Она толкнула дверь.

Дэн сидел на диване. Трезвый. Это она определила сразу — по глазам. Трезвый и злой.

— Ну, наконец-то. Я тут с голоду подыхаю, а ты шляешься где-то!

— Я на работе была, Дань. Я же говорила.

— На работе... — он сплюнул. — Жрать давай.

Она молча достала продукты. Макароны, тушёнка, хлеб, водка. Увидев бутылку, Дэн оживился.

— О! Уважаю. Садись, мать. Вместе поужинаем.

«Мать». Он иногда называл её так — и это резало болеее ножа. Потому что она не хотела быть ему матерью. Она хотела быть женщиной. Любимой. Единственной.

Но она села. Поставила на плиту кастрюлю с водой, открыла тушёнку. Руки делали привычную работу, а в голове стучало: «Ничего. Ничего. Он трезвый. Он не бьёт. Уже хорошо. Уже праздник».

За стеной, у соседей, орал телевизор. Кто-то ругался на кухне. Где-то внизу, на улице, выла собака. А здесь, в комнате номер тринадцать, сидели двое — пятидесятипятилетняя уборщица с разбитым лицом и её молодой любовник, который называл её «мать» и ждал ужина.

Обычный вечер. Обычная жизнь. Обычный ад.

— Лен, — вдруг сказал Дэн, не глядя на неё. — Я вчера это... перебрал, наверное. Не помню ничего. Ты прости, если что.

И она простила. Конечно, простила. Потому что больше

ничего не умела.

Так прошёл ещё один день Елены Викторовны. Она мыла полы, терпела унижения, покупала макароны и прощала. Бесконечный цикл, из которого не было выхода. А если выход и был, она его не видела — потому что смотреть в ту сторону было слишком страшно.

Глава 3. Дэн

Дэн проснулся около полудня.

Сначала он не понял, где находится. Это случилось с ним всё чаще — та секунда между сном и явью, когда сознание зависает в пустоте, не зная, кто ты, где ты и что ты натворил вчера. Белый потолок с жёлтыми разводами от протечек, трещина в углу, похожая на карту какой-то несуществующей страны. Общага. Комната тринадцать. Он дома.

Дома.

Он усмехнулся про себя. Дом — это там, где тебя ждут, где пахнет пирогами, где мать стоит у плиты и улыбается. Здесь пахло перегаром, грязными носками и кислым потом. Здесь не было ни пирогов, ни матери. Здесь была Ленка — Метелка, — которая уже ушла на свою дурацкую работу.

Он сел на диване, и голова отозвалась тупой болью. Похмелье было таким, будто вчера по его черепу проехал грузовик. Во рту — привкус ржавого металла и чего-то сладкого, тошнотворного. Он потянулся к столу, нашарил кружку — пусто. Даже воды не оставила, сука старая.

— Ленка! — крикнул он по привычке, хотя знал, что её

нет.

Тишина. Только холодильник гудит где-то в углу — старый, советский, «Орск», который тарахтит так, будто сейчас взлетит.

Дэн спустил ноги на пол, посидел минуту, собираясь с силами. На тумбочке лежала смятая пачка «Короны» — пустая. Он смял её и бросил в угол, где уже скопилась горка такого же мусора. Потом нашёл под подушкой зажигалку, а в кармане джинсов — одинокую сигарету, кривую, надломанную. Закурил, закашлялся.

Напротив дивана висело зеркало. Он глянул в него и не узнал себя.

Из зеркала смотрел молодой мужик с опухшим лицом, красными глазами и щетиной, которая росла клочками. Та-туировка на плече — дракон, которого он набил три года назад в какой-то пьяной подворотне, — расплылась, потеряла очертания. «Как и вся моя жизнь», — подумал он и тут же разозлился на себя за эту мысль. Сопли. Не мужское это дело — рефлексировать.

Он встал, прошёлся по комнате. Пять шагов туда, пять обратно. Клетка. Самая настоящая клетка. Кровать, диван, стол, холодильник, окно с видом на помойку. И Ленка, которая приходит вечером, как заведённая, с сумками и виноватой улыбкой.

Сколько он здесь живёт? Два года? Три? Он сбился со счёта.

Когда-то он приехал в этот город с мечтами. Смешно вспомнить. Двадцать два года, за плечами — ПТУ по специальности «автослесарь», в кармане — диплом и двести рублей. Он планировал устроиться в автосервис, снять квартиру, найти нормальную девушку. Обычные планы обычного парня.

Что пошло не так?

Всё. Всё пошло не так с самого начала. Автосервис не взял — сказали, без опыта не нужен. Потом был грузчиком в супермаркете, потом — мойщиком на заправке, потом — вообще никем. Квартиру не потянул, поселился в общежитии. Девушка, которая была, ушла к другому — к тому, у кого машина и своя хата. А он остался. И запил. Сначала по выходным, потом по вечерам, потом — каждый день.

А потом появилась Ленка.

Он помнил их первую встречу. Это было в очереди в ларьке — он занимал деньги на пиво, она покупала хлеб. Разговорились. Слово за слово — она предложила выпить вместе. У неё был день рождения, пятьдесят два года, и отмечать его было не с кем. Он согласился. Из вежливости. Из скуки. Из голода, в конце концов.

Она приготовила ужин. Настоящий — с картошкой, курицей, салатом. Накрыла стол чистой скатертью. Достала бутылку водки, которую хранила для особого случая. Они выпили, она заплакала — рассказывала про сына, про покойного мужа, про свою собачью жизнь. Он слушал вполуха,

кивал, а потом остался на ночь. Просто так. Без любви, без страсти — просто потому что было лень идти к себе.

А утром она приготовила завтрак. Яичницу с колбасой. И он остался ещё на день. Потом ещё на неделю. Потом — навсегда.

— Навсегда, — повторил он вслух и засмеялся хриплым, нехорошим смехом.

Какое, к чёрту, навсегда? Ей пятьдесят пять. Ему двадцать пять. Он мог бы ещё выкарабкаться, найти работу, уехать куда-нибудь. Но с каждым днём эта мысль становилась всё более далёкой, как свет в конце туннеля, который не приближается, а наоборот — отдаляется.

Он докурил, затушил окурочок о подоконник, бросил вниз. Потом натянул старую футболку, вышел в коридор.

В коридоре было шумно. Где-то орал телевизор — шла какая-то передача про здоровье, и диктор бодрим голосом рассказывал, как правильно питаться. На кухне гремела посуда. Из туалета доносился запах хлорки — уборщица, такая же Метелка, как Ленка, только азиатка, мыла полы.

Он пошёл на кухню. Там, за столом, сидела вездесущая Баба Рая. Она пила чай и смотрела в одну точку — слепым глазом в стену, зрячим куда-то вглубь себя.

— Здорово, Раиса Павловна.

— Здорово, коли не шутишь. Садись. Чай будешь?

Он сел. Она налила ему чаю из старого заварочного чайника с отбитым носиком. Чай был крепкий, почти чёрный,

и пах какими-то травами.

— Что за травы? — спросил он.

— От головы. От души. От глупости. У тебя всё сразу болит, так что пей.

Он отхлебнул. Горячо, но вкусно.

— Теть Рай, а вот скажите мне как есть. Я — конченный человек?

— Конченный — это когда в землю закопали, — спокойно ответила она. — А ты пока дышишь. Дышишь — значит, ещё не конченный. Но близко.

— Близко — это сколько?

— Год. Может, два. Если не остановишься — сгоришь. Водка, она таких, как ты, быстро жрёт. Красивые всегда быстрее горят.

Она сказала это буднично, без жалости, без осуждения. Просто констатировала факт, как врач, который сообщает диагноз.

— А Ленка? — спросил Дэн и сам удивился этому вопросу.

— А что Ленка? Ленка тебя переживёт. Она сильная. Она уже мёртвого мужа пережила, сына-зэка пережила, тебя — тем более. Только ты её раньше времени в могилу не загони. Она ж тебя любит, дура старая.

— Любит... — он усмехнулся. — Что значит «любит»? Терпит — это да. А любит... Я не знаю. Может, ей просто страшно одной остаться.

— Может, и так, — согласилась Баба Рая. — А только ты всё равно не прав.

Она допила чай, встала, опираясь на палку.

— Я пойду. У меня там самогон созревает. А ты сиди, думай. Или не думай — всё равно толку.

И ушла, шаркая тапками.

Дэн остался один.

Думать не хотелось. Думать вообще было вредно — от мыслей становилось только хуже. Он сидел на кухне,пил остывший чай и смотрел в окно, где за грязным стеклом белело бесконечное ноябрьское небо.

В кармане завибрировал телефон. Старый кнопочный «Самсунг» — такой же, как у Ленки, только менее разбитый. Сообщение. Он открыл.

«Дань, ты как? Я куплю всё, что ты просил. Жди. Я скоро».

Ленка. Конечно, Ленка. Она писала ему каждые два часа, как заведённая. «Ты как?» «Ты поел?» «Ты не пьёшь?» Ему это льстило и раздражало одновременно. С одной стороны, приятно, когда о тебе заботятся. С другой — эта забота душила, как удавка, не давала дышать.

«Купи водки», — написал он коротко.

И отправил.

Она ответила через минуту: «Хорошо. Только не пей до меня, ладно? Давай вместе».

Вместе. Она всегда хотела «вместе». Вместе пить, вме-

сте смотреть телевизор, вместе лежать на диване, вместе стареть, вместе умирать. А он не хотел «вместе». Он вообще не знал, чего хотел.

Он вернулся в комнату, лёг на диван и уставился в потолок. Трещина в углу всё так же напоминала карту. Он попытался представить, что там, за этой трещиной, в тех несуществующих странах. Может, там живут люди, у которых всё по-другому. У которых работа, деньги, будущее. У которых нет Ленки, нет общаги, нет этого вечного чувства, что жизнь прошла мимо.

За стеной, у соседа Тёмы, заиграла музыка — что-то из девяностых, ностальгическое. Дэн закрыл глаза.

И вдруг — резкий стук в дверь.

— Данил! — голос вахтерши Галины. — Там к тебе пришли!

Он нехотя встал, подошёл к двери, открыл. На пороге стоял какой-то мужик — плюгавый, с бегающими глазками, в грязной куртке.

— Ты Дэн?

— Ну я.

— Слышь, я от Костика. Ты ему двести рублей должен. За прошлую неделю.

Дэн напрягся. Костик — это местный барыга, у которого он иногда брал в долг. Двести рублей — мелочь, но сейчас у него не было и десяти.

— Не сейчас. На следующей неделе отдам.

— На следующей... — мужик поморщился. — Костик сказал — до вечера долг. Иначе проценты капают. Ты ж знаешь, как у нас.

Дверь напротив приоткрылась. Высунулся Тёма — в очках, с ноутбуком под мышкой. Вид у него был любопытный и испуганный одновременно.

— Какие-то проблемы? — спросил он тихо.

— Не твоё дело, умник! — рявкнул Дэн. — Иди куда шёл.

Мужик хмыкнул.

— Короче, до вечера. Если что — сам к тебе приду. Или Костик придёт. Он церемониться не будет.

И ушёл, насвистывая какую-то мелодию.

Дэн захлопнул дверь, прислонился к ней спиной. Сердце колотилось как бешеное. Вот этого ему ещё не хватало. Долги. Теперь за ним будут охотиться.

Он сел на диван, достал из-под подушки записку — смятые полтинники и десятки, которые удалось спрятать от Ленки. Пересчитал. Сто тридцать. Не хватало семидесяти.

Где взять? У Ленки? Она получила зарплату, но он уже потратил большую часть вчера — на водку, на закуску, на сигареты. Она принесёт ещё, конечно, но до вечера. А мужик ждать не будет.

Он закурил снова, хотя курить было нечего — сигарета кончилась. Пришлось идти к соседу. Он постучал к Тёме.

— Чего? — дверь приоткрылась.

— Сигареты есть?

— Не курю.

— Врёшь. Я видел, ты куришь на балконе.

— Это редко. Ладно, держи одну.

Тёма протянул ему сигарету — дорогую, с фильтром. Дэн взял, покрутил в пальцах.

— Слышь, умник. А денег у тебя нет взаймы? До вечера.

— Зачем тебе?

— Надо.

— На водку?

— Не твоё дело.

Тёма помолчал, потом вздохнул и полез в карман.

— Держи двести. Отдашь, когда сможешь. Или не отдавай. Просто... прекрати её бить. Ладно?

Дэн взял деньги, усмехнулся.

— Ты что, влюбился в неё?

— Нет. Просто не могу смотреть на это. Она же человек.

— Человек... — Дэн спрятал купюры. — Все мы люди. Только одни — люди, а другие — Метелки.

Он ушёл, не попрощавшись.

В комнате он снова лёг на диван. Деньги были, проблема решена. Но на душе стало почему-то ещё гаже. Этот умник Тёма смотрел на него с таким превосходством, с таким молчаливым осуждением, что хотелось то ли ударить его, то ли провалиться сквозь землю.

«Прекрати её бить». Как будто он сам не знал, что это плохо. Как будто он получал от этого удовольствие.

Он не получал. В том-то и дело, что не получал. Он бил не от злости — от отчаяния. От того, что жизнь не сложилась. От того, что он, молодой, здоровый, красивый мужик, сидит в этой дыре и не видит выхода. От того, что Ленка — единственный человек, который его любит, и именно этого он не может ей простить.

За что она его любит? За что? Что он ей дал, кроме синяков, долгов и унижений? Ничего. А она всё равно любит. Готовит ему ужин, стирает носки, отдаёт последние деньги. И это невыносимо. Потому что её любовь — как зеркало, в котором он видит себя настоящего: ничтожество, тунеядец, альфонс.

Он закрыл глаза. Где-то вдалеке, в другой жизни, был мальчик Даня, который играл в хоккей во дворе, мечтал о большом спорте и обещал маме купить дом с бассейном. Где тот мальчик? Когда он исчез? Может, когда отец ушёл из семьи? Или когда мать запила? Или когда тренер сказал: «Бесперспективный, не трать моё время»?

Он не знал. Знал только, что того мальчика больше нет. Есть двадцатипятилетний алкоголик, который живёт с женщиной вдвое старше себя и берёт в долг у соседей.

Вечером пришла Ленка. Уставшая, с сумками, с синяком, который уже начал желтеть по краям. Она поставила продукты на стол и посмотрела на него с той самой улыбкой — виноватой, просящей, ожидающей.

— Я всё купила, Дань. И водку, и макароны. Сейчас ужин

приготовлю.

— Давай, — сказал он, не глядя на неё.

— Ты... ты меня простил? За вчера?

— За что простил? — он поднял глаза. — Ты-то тут при чём? Это я тебя... Это ты меня прощать должна.

Она моргнула, не ожидая.

— Я тебя всегда прощаю, Дань. Ты же знаешь.

И вот это «всегда» ударило его сильнее кулака. Он встал, подошёл к окну, отвернулся.

— Не надо, Лен. Не прощай. Я этого не стою.

— Стоишь. Ты просто сам не знаешь, какой ты хороший.

Он хотел засмеяться, но не смог. Хотел заплакать — тоже не смог. Просто стоял и смотрел в окно, где в темноте мерцали огни чужой, незнакомой, недостижимой жизни.

Она подошла сзади, обняла его за плечи, прижалась щекой к спине.

— Всё будет хорошо, — прошептала она. — Ты только не пей сегодня много. Ладно?

Он молча кивнул.

В этот момент он почти верил ей. Почти верил, что всё будет хорошо. Почти.

Но водка уже стояла на столе, и вечер только начинался.

Так прошёл день Данила — молодого человека, который когда-то подавал надежды, а теперь тонул в самогоне и чужой любви. Он ещё не знал, что этот вечер станет переломным. Что сказанные и несказанные слова запустят цепочку

событий, которая изменит всё. Но это будет потом. А пока — он просто стоял у окна и смотрел в темноту, где ничего не было видно.

Глава 4. Баба Рая

Раиса Павловна, которую в общежитии все звали просто Баба Рая, проснулась в шесть утра не потому, что нужно было на работу, и не потому, что мучила бессонница. Она проснулась потому, что в шесть утра просыпалась всю свою жизнь — сначала в деревне, где пели петухи, потом в бараке, где орали соседи, потом здесь, в общегае, где за стеной вечно кто-то ругался, плакал или занимался любовью с таким же отчаянием, с каким другие бросаются из окон.

Ей было семьдесят два года. Точнее, семьдесят два с половиной — она любила точность в цифрах, потому что цифры были единственным, что ещё не врало. Люди врали, газеты врали, телевизор врал, даже собственное отражение в зеркале врало, показывая старуху с бельмом на левом глазу. А цифры — нет. Семьдесят два с половиной года. Из них сорок пять она прожила в этом городе, тридцать — в этой общегае.

Она села на кровати, спустила ноги на холодный пол. Кровать была старая, панцирная, с продавленной сеткой — такая же, как у всех здесь. Но у Бабы Раи на матрасе лежала чистая простыня, а подушка была взбита ровно, по-армейски. Порядок. Порядок был её религией. В мире, где всё катилось в тартарары, только порядок и спасал.

Она накинула халат — старый, ситцевый, в цветочек, выцветший от бесчисленных стирок, — и подошла к окну. За окном было темно, ноябрь не сдавался, и рассвет всё откладывался, как будто солнце тоже не хотело просыпаться в этом районе. Под фонарём, у помойки, копошился бомж — проверял содержимое баков. Баба Рая смотрела на него без осуждения. Она давно поняла: брезговать можно только тем, чего ты сам не пробовал. А она пробовала многое.

Она зажгла газовую горелку — плита на кухне была общая, но у неё в комнате стояла своя, маленькая, одолженная у покойного мужа ещё при его жизни, — и поставила чайник. Чай она заваривала особый, с травами, которые собирала сама. Ромашка, зверобой, мята, душица — всё это росло на пустыре за общагой, где когда-то был сквер, а теперь — свалка и бурьян. Но травы, как она говорила, были живучими, как и она сама.

Чайник закипел. Она заварила чай в старой глиняной кружке с отбитой ручкой — другой не было, да и к этой она привыкла, как привыкают к родственникам, которых не выбирают, — и села к столу.

На столе лежала фотография. Единственная, которую она сохранила. Муж, сын и она сама — молодая, с двумя глазами, в платье в горошек. Снимок был сделан в шестьдесят восьмом году, на первомайской демонстрации. Тогда всё было иначе: муж работал на химкомбинате, сын учился в школе, она сама была медсестрой в городской больнице. Квар-

тира, планы на лето, отпуск на море.

Потом муж заболел. Лейкемия. Химия, которую он вдыхал на комбинате, сделала своё дело. Он сгорел за полгода, оставив ей сына, долги и пустую квартиру. Сын вырос, пошёл по дурной дорожке — наркотики, срок, ещё один срок. Сейчас он сидел где-то на севере, в колонии строгого режима, и писал матери раз в год, на день рождения. Письма были короткие: «Мать, жив, здоров, пришли денег». Она посылала, сколько могла, хотя пенсия у неё была кошачья — восемь тысяч с копейками.

Левый глаз она потеряла не сразу. Сначала была операция — глаукома, — но операция прошла неудачно. Врач сказал: «Надо было раньше». Надо было. Много чего надо было раньше.

Она осталась одна в комнате, которая со временем превратилась в её крепость. Здесь пахло травами, воском — она делала свечи на продажу — и самогоном, который она гнала из сахара и дрожжей. Самогон был её маленьким бизнесом, её пенсией, её валютой. Местные знали: у Бабы Раи всегда есть бутылка. И не какая-нибудь палёная отравка, а чистый, как слеза, продукт, который даже с похмелья не убивал.

В дверь постучали. Она даже не обернулась — знала, кто. — Заходи, Лен. Открыто.

Елена вошла тихо, как мышка. Она всегда так входила — бочком, извиняясь за своё существование. Баба Рая не выносила этой манеры, но молчала — понимала, откуда она бе-

рётся.

— Здравствуйте, Раиса Павловна.

— Садись, дочка. Чаю хочешь?

— Можно. Только я на минутку. Мне на смену скоро.

— Успеешь. Садись.

Елена села, и Баба Рая налила ей чаю. Посмотрела на неё — и всё поняла без слов. Свежий синяк под глазом, разбитая губа, осторожные движения, как у человека, у которого болят рёбра. Всё это она видела сотни раз — и на себе, и на других. В этой общаге били всех. Били мужья жён, жёны мужей, дети родителей, родители детей, соседи соседей. Насилие было здесь таким же привычным, как запах мочи из туалета.

— Опять он?

— Опять.

— Сильно?

— Да нет. Так, пара ударов. Я сама виновата — не надо было деньги прятать.

— Деньги... — Баба Рая усмехнулась. — Ты ему не деньги прятала, Лен. Ты себе на лекарство откладывала. Я знаю. У тебя давление, сердце шалит. Ты ж на ладан дышишь, дура.

Елена опустила глаза. Она знала, что Баба Рая права, но от этого было не легче.

— Теть Рай, а вы... вы когда-нибудь любили? Так, чтобы прощать всё?

Баба Рая помолчала, глядя в свою кружку. Пар поднимал-

ся над чаем, как туман над болотом.

— Любила, — сказала она наконец. — Я своего мужа, покойного, знаешь как любила? Когда он заболел, я с ним сидела до последнего. Он уже не вставал, под себя ходил, а я его мыла, кормила с ложки, сказки ему читала. Он мне изменял, кстати. Пока здоровый был — гулял налево. Я знала и молчала. Прощала.

— А зачем? — тихо спросила Елена. — Зачем прощали?

— Затем, что любовь — она не в голове, она в сердце. В голове ты понимаешь: козёл, изменщик, пьяница. А сердце говорит: мой. Самый родной. Единственный. И ты веришь сердцу, а не голове. Дураки мы, бабы, Лен. Все дураки. И те, кому двадцать, и те, кому пятьдесят, и те, кому семьдесят. Потому что сердце не стареет. Оно до самой смерти верит в сказки.

Они замолчали. За стеной кто-то включил телевизор, и оттуда донеслась бодрая музыка — реклама чего-то ненужного, дорогого, из другой жизни.

— Я ведь медсестрой была, — сказала вдруг Баба Рая. — Двадцать лет в хирургии. Насмотрелась на людей. Знаешь, что я поняла? Человек — это такая тварь, которая ко всему привыкает. К боли, к грязи, к унижению, к голоду. Человек может жить в таких условиях, в каких крыса сдохнет. А всё потому, что у человека есть надежда. Дурацкая, иррациональная надежда. Вот ты, Лен, на что надеешься?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.